

О «ГАВРИЛИАДЕ»

Только через восемьдесят один год после смерти Пушкина вышла «Гаврилиада», отпечатанная в России, без сокращений и пропусков. Она была под запретом, и читали ее полностью лишь немногие, кому удавалось достать экземпляр одного из заграничных изданий поэмы. В музейных библиотеках она выдавалась «по особому разрешению». Огромному большинству читателей она была почти неизвестна.

Правда, и это издание выпущено в ограниченном числе экземпляров (555), и издатели указывают в предисловии, что книга предназначена «преимущественно для лиц, изучающих Пушкина, а не для широкого круга читателей». Эта оговорка излишня и несправедлива. Всему русскому обществу пора, наконец, знать Пушкина, а чтобы знать поэта, его раньше всего надо прочитать всего, без изъятий. Если, откапывая в архивах самые незначительные письма, наброски, записки Пушкина, мы спешим ознакомить с ними читателей, справедливо полагая, что ни одно слово, произнесенное им, не должно быть забыто, — то что же сказать о целой поэме, над которой он упорно трудился, которая отразила ряд замечательных черт его творчества, которая так ценна для изучения его биографии и которая, наконец, так прекрасна в своей непосредственной, художественной очаровательности?

«Гаврилиада» была под запретом по двум причинам: она объявлялась, во-первых, кощунственной, во-вторых, непристойной. Да, конечно, это книга не для детей и не для девушек. Но все же и богохульность, и непристойность ее должны быть подвергнуты переоценке.

Время написания «Гаврилиады» целиком относится к так называемому кишиневскому периоду жизни Пушкина. Этим сказано многое. Сколько бы ни грустил в те дни великий поэт, сколько бы раз ни сравнивал он себя с Овидием, «влачившим мрачны дни» на берегах Дуная, — несомненно все-таки, что эта грусть и мрачные мысли не вполне соответствовали его тогдашнему образу жизни. По этому поводу особенно

мудрить нечего. Вполне естественно и психологически понятно, что в часы раздумия и одиночества Пушкин задумывался над своей участью, над изгнанием, вспоминал все, что оставил на севере и что потерял еще так недавно, расставшись с Раевскими, — и ему становилось грустно. Но кроме элегического Пушкина существовал и другой: друг Всеволожского и Юрьева, член «Зеленой Лампы», неутомимый Сверчок «Арзамаса», поклонник Вакха и Киприды; для этого Пушкина Кишинев, с его шумом, пирушками, проказами, прекрасными еврейками, снисходительными молдаванками, «обритыми и рогатыми мужьями», дуэлями и всем прочим, — представлял обширное и веселое поле деятельности. К этому надо прибавить, что еще так недавно впервые развернулись пред ним картины Кавказа и Крыма, его поразившие, увидел он новую, необычную жизнь юга, новое небо, горы, море, людей, так мало похожих на обитателей Петербурга и Москвы, всех этих евреев, цыган, молдаван, горцев, татар. Какими, должно быть, бурями откликалась на все это «африканская кровь»! И в довершение всего — двадцать два года, жгучая радость жизни, молодость! Ведь, мудрый от колыбели, Пушкин смолоду был так молод, как никогда и никто из русских людей: и в этом, как во всем, он превзошел их всех.

При таких душевных настроениях сложилась «Гаврилиада» — и отразила их. Это было неизбежно. Безграничная радость и восторг, возникшие от созерцания яркого, пышного, многообильного мира, должны были вылиться наружу. Библия, которую в те дни читал Пушкин, подсказала ему сюжет, переносивший будущего читателя в области самые светлые и обильные, какие только снились человечеству. Картина могла одновременно развернуться в трех планах: на земле — в знойной Палестине, не совсем на земле — в перевозданном раю, и вовсе не на земле — в небесах. Вот эта возможность и соблазнила Пушкина. Его восторженному созерцанию мира давала она безграничный простор.

Библия давала поэту фабулу повести и богатый живописный материал. Собственной жизнью Пушкина определился дух будущего создания, — и я бы сказал, что это есть подлинный дух Ренессанса. Да, в начале XIX столетия был в России момент, когда величайший

из ее художников, не «стилизуясь» и не подражая, а естественно и произвольно, единственно в силу внутренней необходимости, возродил само Возрождение. Предположительно определяя время написания поэмы осенью 1822 года, получаем: осенью 1822 года, в Кишиневе Бессарабской губернии, Россия, в лице Пушкина, создавшего «Гаврилиаду», пережила Ренессанс. Поэтому совершенно исключительно то место, которое в русской литературе занимает «Гаврилиада».

Языческая радость жизни, любование «бесовскою» прелестью мира, внесенные в разработку христианско-библейских тем, составляют одно из отличительных свойств итальянского Возрождения. Это общеизвестно. Величайшие мастера Возрождения если не были язычниками, то не были и христианами в том смысле, в каком понималось христианство до них — и в значительной степени после них. Венецианские художники в этом отношении превзошли, кажется, всех иных: обстоятельство, далеко не ускользавшее от внимания даже их современников и католической церкви, поскольку, впрочем, и эти современники, и сама церковь не были заражены тем же духом. Разговоры о кощунственности изображений, предназначавшихся главным образом для церквей, поднимались и тогда, причем временами дело принимало оборот весьма острый: так, Веронезу, за слишком великолепное и пышественное изображение евангельских событий, пришлось держать ответ пред судом инквизиции. Объяснения, данные им суду, великолепны. Никаких мотивов своего поступка, кроме чисто художественных, он не указал, никаких оправданий, кроме эстетических, не представил. Он говорил, что изображал евангельские события так, как ему, художнику, представляется нужным и подобающим, то есть так, как ему подсказала его художественная совесть. И так высоко было у судей уважение к свободе творчества, что Веронез был оправдан самой инквизицией.

Но как ни замечательны объяснения Веронеза, главного он все-таки не сказал или не захотел сказать. Иначе бы он поведал монахам, что рядить евангельских лиц в пышные платья венецианских патрициев; приводить горбатых шутов, карликов и собак на брак в Кане Галилейской; заставлять каких-то солдат, не обращая внимания на присутствие Христа, с аппети-

том уплетать вкусные кушанья и жадно опорожнять кувшины; миг Благовещения переносить из бедного назаретского домика в мраморный венецианский дворец и т.д. и т.д. — ко всему этому его побуждало не только желание использовать известные живописные эффекты, но и нечто более сложное. Он сказал бы, что мир, в котором вот сейчас живет он, Веронез, так мил ему, так прекрасен, что расстаться с этим миром ему не хотелось даже ради самых святых мест и самых святых минут. И что, пожалуй, сама обитель Господа не понравилась бы ему, если она ничуть не похожа на Венецию.

Веронез — итальянец XVI века, Пушкин — русский, живший в веке XIX. Веронез — живописец, Пушкин — поэт. Веронез, вероятно, считал себя католиком; Пушкин, когда писал «Гаврилиаду», не веровал вовсе. Веронез писал свои картины для церквей и дворцов, а «Гаврилиада» писалась «в тиши», «для себя». Все это предreshает ряд глубоких различий между картинами Веронеза и поэмой Пушкина. Прежде всего нет у Веронеза оттенка шутки и озорства, несомненных в «Гаврилиаде». Веронез ограничивался свободной обработкой евангельской темы, обработка Пушкина шла вразрез с христианской верой. Однако в сущности их подход к теме был одинаков, ибо рождался из одного и того же чувства: восхищения миром, который их окружал. Оба они не хотели расстаться с земными пристрастиями. И если Веронез делал Христа венецианцем, то Пушкин с тою же последовательностью всех божественных лиц «Гаврилиады» сделал кишиневцами. Недаром, описывая Марию, он предупреждает какую-то «еврейку»:

Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Ах, милая, ты, право, обманулась:
Я не тебя — Марию описал...

Он сам сознавал, что, при всех описанных им совершенствах, в изображенном лице слишком все-таки много сходства с кишиневской «еврейкой», может быть с той самой Ревеккой, которой посвятил он непристойные стихи. Кишиневские «рогачи» и повесы так же служили моделями Пушкину, как венецианские куртизанки — Веронезу. Как художник он равнодушно внимал «добру и злу», они были для него равноцен-

ны, — и он самого Иегову щедро наделял свойствами своих кишиневских знакомцев: важно было лишь выявить прекрасную яркость их образов, полноту жизни, какова бы она ни была. Персонажи Веронеза безмолвны и недвижимы; но если бы они ожили и заговорили, то, вероятно, их слова и поступки почти так же мало соответствовали бы евангельскому тексту, как слова и поступки героев «Гаврилиады».

Пушкин в 1822 году и раньше того был неверующим, а несколько позже прямо причислял себя к «афеям». Однако из всех оттенков его атеизма тот, который проявился в «Гаврилиаде», — самый слабый и безопасный по существу, хотя, конечно, самый резкий по форме. Чтобы быть опасным, он слишком легок, весел и неприкровен. Он беззаботен — и недемоничен. Жало его неглубоко и неядовито. Из лицейских стихов Пушкина во многих, посвященных вину и любви, чаще всего под конец, как изящная виньетка, является смерть. По существу эти стихи опасней «Гаврилиады»: нужно было подлинное «безверие», чтобы написать их; в них есть сознательный вызов, — хотя бы, например, в стихотворении «Кривцову»:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.

Этого вызова нет в незлобивой «Гаврилиаде». Если всмотреться в «Гаврилиаду» немного пристальнее, то сквозь оболочку кощунства увидим такое нежное сияние любви к миру, к земле, такое умиление перед жизнью и красотой, что в конце концов хочется спросить: разве не религиозна самая эта любовь?

Конечно, можно возразить, что «Гаврилиада» осуждена не за атеизм, а за антихристианство. Но тут встали бы перед нами такие вопросы, перед которыми я умолкаю. Напомню лишь то, что отцы-инквизиторы оправдали Веронеза. Тут проявили они, быть может, не только ум и художественный вкус, но и кое-что другое.

О «Гаврилиаде» писали неизмеримо меньше, чем о других созданиях Пушкина. Поэма еще только ждет всестороннего и пристального рассмотрения; и думается, что некогда образ Марии займет место в ряду идеальных женских образов Пушкина. Сквозь все не-

пристойные и соблазнительные события, которые разыгрываются вокруг нее и в которых сама она принимает участие, Мария проходит незапятнанно чистой. Такова была степень богомольного благоговения Пушкина перед святыней красоты, что в поэме сквозь самый грех сияет Мария невинностью.

Конечно, фабула «Гаврилиады» — не для детей и не для девушек. Но для всякого взгляда, который уже умеет проникнуть немного глубже фабулы, — все непристойности поэмы очищаются ясным пламенем красоты, в ней разлитым почти равномерно от первой строки до последней. Описывая «прелести греха», таким сияюще чистым умел оставаться лишь Пушкин. Перефразируя его самого, хочется сказать: счастлив тот, кто в самом грехе и зле мог обрести и ведать эту чистую красоту.

1917

Москва

С. 69. ...*А.С.Искозом в его статье о «Повестях Белкина»...* — Статья А.С.Искоза (Долинина) в IV т. Собр. соч. Пушкина под ред. С.А.Венгерова (СПб., 1910).

О «Гаврилиаде» (с. 71). — Понедельник *Власти народа*. 1918. 16 (29) апреля; дата под текстом статьи в *СРП*, очевидно, ошибочная. Новый вариант статьи, со включением дополнительного материала, — В. 1929. 12 сентября. Печ. по тексту *СРП*.

Написано по поводу первого в России издания полного текста поэмы Пушкина: *Гаврилиада: Полный текст / Вступ. статья и критич. примеч. Валерия Брюсова*. М.: Альциона, 1918. В написании названия поэмы Ходасевич следовал этому изданию; верное написание ввел Б.В.Томашевский в научном издании текста поэмы: *Пушкин А.С. Гаврилиада / Редакция, примеч. и коммент. Б.В.Томашевского*. Пб., 1922.

С. 71. ...*одного из заграничных изданий поэмы*. — Ряд заграничных изданий основывался на публикации Н.Огарева (с его предисловием) в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861). По этому изданию напечатан текст поэмы и в издании «Альционы».

...*в ограниченном числе экземпляров...* — Во втором издании поэмы той же «Альциной» в том же, 1918 г., также со вступительной статьей Брюсова, но уже «для более широкого круга читателей», как сообщалось в предисловии «От издательства», вновь были сделаны купюры в тексте.

...*издатели указывают в предисловии...* — Цитируется предисловие от издательства, которое было также написано Брюсовым.

С. 73. *Предположительно определяя время написания поэмы осенью 1822 года...* — Поэма была написана в апреле 1821 г.; датировка установлена Б.В.Томашевским в его издании «Гаврилиады» 1922 г. (с. 46). Как дата, так и написание названия поэмы исправлены в последующих работах Ходасевича.

...*так, Веронезу... пришлось держать ответ пред судом инквизиции*. — Венецианский живописец Паоло Веронезе (1528—1588) 18 июля 1573 г. подвергся допросу в трибунале инквизиции по поводу вольностей, допущенных им в изображении евангельского события в картине «Пир у Левия». В свое оправдание он ссылался на свободу трактовки священных сюжетов у итальянских художников (в частности, у Микеланджело) и на вольности, дозволенные поэтам и безумцам. Допрос окончился благополучно для Веронезе, но по требованию трибунала он должен был произвести в картине существенные изменения.

С. 75. ...*прямо причисляя себя к «афеям»*. — Очевидно, имеется в виду известное письмо Пушкина, вероятно к Вяземскому от апреля — первой половины мая 1824 г. Непростой вопрос о характере атеизма молодого Пушкина Ходасевич был склонен решать прямолинейно (ср. выше в тексте статьи: «Пушкин, когда писал “Гаврилиаду”, не веровал вовсе»). Более сложное понимание пуш-

кинского письма 1824 г. — в поздней статье Ходасевича «Жребий Пушкина, статья о С.Н.Булгакова» (1937).

«Кривоцову» — ст-ние 1817 г., но уже не лицейское, а петербургское (последелицейское).

С. 76. ...таким сияюще чистым умел оставаться лишь Пушкин. — Свой взгляд на «Гавриилиаду» Ходасевич подтвердил в статье «Кошунства Пушкина» (СЗ. 1924. Кн. XIX. С. 412—413), вошедшей позднее в книгу «О Пушкине» (Берлин: Петрополис, 1937): «Что касается “Гавриилиады” (1821), единственной кошунственной поэмы Пушкина, то многое из сказанного о лирике применимо и к ней. “Гавриилиада” построена на пародии, принявшей самые разнообразные виды и оттенки. Ее внутренняя незлобивость бросается в глаза. В ней больше жизнерадостности и веселья, чем яда. Кошунственность этой поэмы, по внешности самая резкая в кругу подобных творений Пушкина, по существу безопасна и здесь. Атеизм “Гавриилиады” слишком весел, открыт и легок, чтобы быть опасным. Быть может, весьма демонический в некоторых других созданиях, именно в “Гавриилиаде” Пушкин недемоничен, потому что прежде всего беззаботен. Больше того: если всмотреться в “Гавриилиаду”, то сквозь соблазнительную оболочку кошунства увидим в ней равномерно и широко разлитое сияние любви к миру, благоволение и умиление» («О Пушкине». — См. т. 3 наст. изд.).

Колелемый треножник (с. 77) — речь, прочитанная на пушкинском вечере в Доме литераторов в Петербурге (Бассейная, 11) 14 февраля 1921 г.; вечер был повторением знаменитого собрания в 84-ю годовщину гибели Пушкина 11 февраля, на котором Блок впервые читал свою речь «О назначении поэта». Ходасевич также должен был выступить на этом первом собрании, но не успел приготовить речь (см. об этом его рассказ в очерке «Гумилев и Блок» в «Некрополе») и читал ее 14 февраля; вместе с ним вторично читал свою речь и Блок, а также выступили Б.И.Харитон, Б.М.Эйхенбаум и М.А.Кузмин со стихами. Во второй раз Ходасевич читал «Колелемый треножник» 26 февраля в Петербургском университете, также вместе с Блоком, Кузминым, Эйхенбаумом и Н.М.Волковским и Ф.К.Сологубом (Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 18). В позднейшей заметке «К истории “Дней русской культуры”» Ходасевич излагал хронику пушкинских дней 1921 г., ошибочно датируя здесь свою речь 13 февраля (В. 1927. 8 июня).

О впечатлении, произведенном речью Ходасевича, сообщает запись в дневнике М.С.Шагинян, приведенная ею в позднейших воспоминаниях: «Речь Ходасевича кончилась неожиданным для него триумфом: все ему неистово хлопали. Я ее прочитала: она лирическая и вызывает лирическое потрясение. Она вся построена на личной нежности к Пушкину и исторической субъективизации общественных настроений с точки зрения “нас” (группы немногих, лично и интимно воспринимающих Пушкина); говорю “нас”, но это “мы” у Ходасевича почти что “я”, эготическое общение с Пушкиным. Именно потому, что речь покоилась на несомненном внутреннем опыте, а

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

**Записная книжка
Статьи о русской поэзии
Литературная критика
1922-1939**

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 1996